

Горноспасательный отряд. Фото из архива М. Чертанова

МИХАИЛ ЧЕРТАНОВ

Поздравляю всех с праздником - Днём шахтёра! И не только шахтёров и их семьи, но и горноспасателей, которые работали в 35 ВГСО г. Салаира.

35-й военизированный горноспасательный отряд располагался в Салаире в отдельном здании 1938 года постройки. В его состав входил и оперативный взвод, 10 лет в котором мне довелось проработать сначала помощником командира взвода, а затем командиром взвода.

Наш отряд обслуживал Салаирский ГОК, золотодобывающий рудник, п. Весёлая сейка Чайского района, ртутный рудник в п. Акташ и Калгуты в Горно-Алтайской Республике.

Разные ребята работали у меня во взводе. Были опытные из рабочих рудника и совсем молодые. Для ведения спасательных работ требовались подготовленные, выносливые горноспасатели. Поэтому физической подготовке уделяли особое внимание. Для этого имелись и спортивный зал, и волейбольная площадка, и дымный штрэк с силовыми динамометрами. Роль пострадавшего выполнял обычно манекен или один из горноспасателей. На нём и тренировались увязывать и поднимать пострадавшего на носилках по вертикальной выработке или оказывать первую помощь. Каждый из горноспасателей имел несколько специальностей: проходчика, машиниста лебёдки, машиниста электровоза или электрослесаря. Всё это очень могло пригодиться при ведении спасательных работ.

В штабе взвода были два пробоначорщика, которые отбирали приборами пробы воздуха в выработках. Лаборантка их обрабатывала и определяла загрязнённость воздуха.

Командный состав отряда совершал профилактические мероприятия: проводил обследование забоев и других подземных выработок рудника, запасных выходов и противопожарных складов.

Один раз в полгода составлялся план ликвидации аварий, где подробно расписывался сцена-

рий по ликвидации возникших ситуаций. Дежурный по взводу в случае аварии оповещал личный состав об аварии по специальным приборам, и весь личный состав обязан был прибыть в расположение взвода. Поэтому каждый старался быть в зоне досягаемости.

Не всем по силам был такой режим, некоторые не выдерживали, уходили. Оставшиеся втягивались и по полной несли службу. Часть-то была военизированной, поэтому давали подпистку на два года.

Вспоминается мне самый первый выезд на несчастный случай. Шахтостроительное управление вело проходку ствола «Восточный», и в одном из отходящих горизонтальных сбоек произошёл обвал горной массы свода выработки. Прибыв на место, мы обнаружили погрузочную машину с огромным куском горной массы на ней, кубов на 7, из-под этого куска торчала только рука проходчика, по рукаву бежала кровь. Фамилия его была Цыганков.

Я тогда стажировался, а опытный командир отделения В. Скобелев предложил оттащить погрузочную машину от забоя. Оттащили, стали отбойными молотками разбирать камень, а на прежнем месте ещё больше закол вывалился. Вот бы и накрыл всех.

Когда принесли погибшего горняка к стволу, то меня как самого молодого оставили караулить его до приезда врача. Как назло, у меня выгорел фонарь, и я в полной темноте сидел возле него, караулил. Такое не забывается.

Конечно, были у нас занятия теоретические и практические. Вместе с тем на мне были и все хозяйственные заботы: от смены постельного белья личного состава до ремонта транспорта оперативного и вспомогательного, его заправка, оформление путевых листов и т.д. Жили дружно, дома служебные были рядом, огороды тоже, многие держали хозяйство.

Улица так и называлась - Горноспасательная, в общем, это была небольшая коммуна.

С самого начала работы я понял: от правильности принятого решения зависит жизнь одного

или нескольких людей, поэтому ошибок быть не должно. В советское время многое, в том числе и техника безопасности, подчинялось выполнению плана. Если не было плана по добыче, то ужималось всё. Как-то в связи с пожаром на стволе произошло задымление выработок, пожар тушили больше суток. Мы находились на командном пункте у диспетчера рудника, когда директор рудника А.Б. Кожухов дал команду спустить смену. План, говорит, горит. Пришлось поругаться немного. Ну что тут скажешь!

Был такой начальник вентиляции - Карманов, тот перед праздником 7 Ноября постоянно утешал ствол горячим шлаком с котельной. Высыпит по его приказу шлак водителю погрузчика на крепь ствола, и дымят брёвна сутками, попробуй, потуши. Вот и тушили сутками с пожарными.

Несчастные случаи, пожары происходили не только на действующем производстве, но и в городе. Однажды прибегает в дежурку ночью нетрезвый мужик и рассказывает: шли они с другом через отвалы с собакой, кинулась она за кем-то в дыру, а дыра эта была старой выработкой - считай, ствол глубиной 70 м. Упала собака на первый полк и лает. Полез друг по старым лестницам за ней в темноте, лестница была гнилая, подломилась, и улетел мужик вниз, разбился. Приехали, размотали верёвки, шлейки. Кто полезет? Нет добровольцев. Тут брат мой Юра вызвался (он работал респираторщиком в это время). Обвязали его верёвками, опустили. А ствол полон гнилых досок, брёвен и лестниц, жуть. Опустился он, одел на упавшего шлейку, дёрнул, дал сигнал. Потасили, а он все брёвна собой цепляет, они вниз падают, вот и увернись на четырёх квадратных метрах от бревна. Но ничего, справились. Собачка, кстати, живая осталась, её вытащили первой.

Оправдано ли было содержание такого взвода? Да, если ему удалось спасти хотя бы одну жизнь. А спасено было много. Дай Бог здоровья вам, ныне здравствующие горноспасатели 35-го ВГСО!

ДМИТРИЙ КЛЕСТОВ

Памяти погибших шахтёров

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реющий факел
Весь рассыпался вмиг.

Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи,
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне,
Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далёким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потоке
Этим косточкам всплыть.

Шахта «Слепая»

Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.

Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна как-никак
Восславить божий свет.

Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.

Вечерний клекот пустельги
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

Взрывник

Торопясь и нетрусливой прытью,
Я шагаю к доброму укрытию.

Позади, в расщелине породной,
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! Скалы как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля и воздух колыхаться,

Сверху падать острые камни
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга-ротозея
Смерч взрывной
по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом
На лугу до одури красивом.

Горноспасатели

Под землёй бушевала стихия
У себя на большой глубине,
Клокотала, и нам не впервые
Быть, работать и выжить в огне.

Никого не клеймили проклятьем
Уходящие в тартарары...
Вы простите, любимые братья,
Если вас называли жмуры.

За чужие грехи беспокоясь,
В этом мире вселенского зла
Лишь одна христианская совесть
Нас по огненным штрекам вела.

Ничего не страшась и с опаской
Никуда не уйти от судьбы,
От того лишь не плавилась каски,
Что мокрущими были чубы.

И вошли мои верные друзья
В этот самый кромешный бедлам,
И уже обгоревшие трупы
Удалось как-то вызволить нам.

Осторожно, к ступеньке ступенька,
За оскал неминуемой беды,
Вдруг в крутой вертикали гезенка
Нас настигла стихия воды.

Мокрый волос взъерошивал дыбом
В мозг и в душу вползающий страх,
И казалось, отравленный дымом
Смоет к чёртовой матери прах.

Водопада бурлящая кипень,
И нельзя возвратиться назад,
Из гибели снова погибель,
Из чистилища адского в ад.

Но какая-то крёстная сила
Или, может, молитвы святых
Православные трупы омыла
И опять окрестила в живых.